

Материнское тело и грамматика пола

АНАТОЛИЙ
РЯСОВ

К заочным спорам Юлии Кристевой,
Джудит Батлер и Аленки Зупанчич

Поводом для обращения к критическому анализу идей Юлии Кристевой, в свое время осуществленному Джудит Батлер, оказывается не только недавний перевод на русский язык книги «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности», но и возможность оценить, сохранили ли эти инвективы актуальность спустя 35 лет. Сегодня работа Батлер считается классикой гендерных исследований, но одновременно остается источником тревоги для правого политического фланга, а в свете ренессанса консервативных настроений имеет все шансы пополнить списки запрещенной литературы. Попробуем перечитать некоторые пассажи, пока этого не произошло.

Анатолий Рясов
(р. 1978) – независимый
исследователь.

ГЕНДЕР

Многие ставки Батлер до сих пор остаются высокими, поскольку в ее работе подвергаются сомнению не только сексистские стереотипы, но и биологическая детерминированность пола. Батлер исследует дисциплинарное производство гендера, очерчи-

**ГЕНДЕРНЫЙ
ВОПРОС:
ПРАКТИКА ТЕОРИИ
И ТЕОРИЯ ПРАКТИКИ**

вающее обязательные рамки репродуктивной сексуальности и пытающееся скрыть принципиальную случайность в отношениях между полом и гендером. Перед нами установка не только на разрушение патриархальных норм, но и на удаление с авансцены главных действующих лиц – мужчин и женщин.

Исторические экскурсы в проблемы гермафродитизма не являются основным сюжетом книги, но выводы Батлер вполне могут быть подкреплены генеалогией «третьего пола». Так, культуры бердашей и мукси, по мнению ряда исследователей, восходящие к доколумбовым временам, тайландская традиция катой или многовековые афганские обычаи бача-пош и бача-бази напоминают о том, что «третий пол» вовсе не является изобретением так называемых англосаксов. И, когда некий сержант требует от нерадивого рядового «не быть бабой», эта вульгарная формулировка уже содержит всю гендерную проблематику, связанную с присутствием фемининного в маскулинном.

Одновременно с этим в «Гендерном беспокойстве» можно найти предостережения относительно превращения борьбы за права женщин в колонизирующую практику:

«Феминистская критика должна исследовать тотализирующие претензии маскулинистской экономики означения, но одновременно проявлять критичность к тотализирующим жестам самого феминизма»¹.

Представляя язык не как инструмент, который революционеры должны отобрать у угнетателей, а как изменчивое поле значений, Батлер указывает на то, что куда более важным является не факт обращения к далеко не всегда совпадающим с установками феминизма работам Маркса или Фрейда, а логика последующих выводов. В этом смысле одним из самых интересных и амбициозных намерений Батлер оказывается апелляция к работам Жака Лакана с целью обнаружить «очаг сопротивления внутри его теории»² и указать на то, что слепые пятна психоанализа способны восстать против его собственных патриархальных тезисов. Символический порядок существует с непостоянством и гибкостью дискурса, и, значит, смирение перед законом может противостоять изменчивая сексуальность.

Основными союзниками на этом пути становятся Мишель Фуко с его археологией дискурсивных практик и Жак Деррида, чья критика фаллоцентризма оказала на гендерную теорию Батлер значительное влияние. Собственно, сама мысль, что «гендер – это такое комплексное образование, тотальность которого навсегда отсрочена и которое никогда в полной мере

1 Батлер Дж. *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. М.: V-A-C Press, 2022. С. 63.

2 Там же. С. 128.

не является собой в любой отдельно взятый момент времени»³, является отсылкой к понятию *différance* («различая»). При этом, задействуя для аргументации те или иные концепции и критикуя конкретные работы, Батлер в целом остается в рамках академического дискурса и практически не позволяет себе резких оценок. Эта манера письма существенно изменяется лишь в случае обращения к феминистской теории Юлии Кристевой. Тем интереснее разобраться в сути предъявляемых претензий.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

**Слепые пятна психоанализа способны восстать
против его собственных патриархальных
тезисов. Символический порядок сосуществует
с непостоянством и гибкостью дискурса, и, значит,
смирению перед законом может противостоять
изменчивая сексуальность.**

МАТЬ

Анализируя процесс сплавления и растяжения клеток эмбриона внутри материнского тела, Кристева сопоставляет его с семиозисом – столкновениями смыслов и рождением новых значений. Согласно теории Кристевой, тело роженицы оказывается территорией, на которой закон символического сталкивается с семиотическим пространством непрогнозируемых значений, вызывающим аналогию с поэтическим творчеством и превращающим фигуру матери в нечто, ускользающее от фаллоцентрического дискурса⁴. Принципиальная амбивалентность материнского тела становится объектом притяжения и противостояния, а «архаический страх перед матерью оказывается страхом перед ее воспроизводительной силой»⁵.

Батлер подвергает эти идеи жесточайшей критике, обвиняя Кристеву не только в том, что та «навязывает женскому телу материнскую телеологию до его включения в культуру», но и в подспудной солидаризации с «механизмом принудительного культурного конструирования женского тела как тела материнского»⁶. То есть Кристева онтологизирует социальную практику, навязываемую патриархатом, представляя ее как женское либидинальное влечение и видовую потребность. К тому же

³ Там же. С. 67.

⁴ Подробнее см.: KRISTEVA J. *Polylogue*. Paris: Seuil, 1977; КРИСТЕВА Ю. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя, 2003; ОНА ЖЕ. *Черное солнце: депрессия и меланхолия*. М.: Когито-Центр, 2010.

⁵ ОНА ЖЕ. *Силы ужаса...* С. 113.

⁶ БАТЛЕР Дж. *Указ. соч.* С. 181–182.

на эту стратегию вполне можно взглянуть как на подспудное укрепление сексистских тезисов Лакана вроде следующего: «не говорите, пожалуйста, что у женщины есть, мол, вторичные половые признаки – доминируют у нее в первую очередь признаки материнские»⁷. Контраргументация Батлер опирается прежде всего на тексты Фуко:

«[Фуко], несомненно, возразил бы, что дискурсивное производство материнского тела как преддискурсивного является тактикой самоусиления и сокрытия особых властных отношений, посредством которых и произведен троп материнского тела»⁸.

Иными словами, чтобы представить женщину в роли матери, нужно уже находиться в пространстве определенных дискурсов – естественнонаучного, патриархального, авторитарного и тому подобного. По словам Батлер, именно этот методологический изъян и делает теорию Кристевой «зависимой от стабильности и воспроизводимости того самого отцовского закона, который она стремится сместить»⁹.

Как ни странно, эти инвективы не спровоцировали обстоятельного ответа Кристевой, если не считать обтекаемых замечаний вроде следующего: «сегодня трудно говорить о материнстве, не будучи обвиненным в нормативизме»¹⁰. Несмотря на это, ее теория содержит значительный потенциал для возражений: например, Фанни Сёдербек замечает, что в работах Кристевой речь идет не о преддискурсивности материнского тела, а о сложном переплетении семиотического и символического. Но независимо от того, насколько правомерна предложенная Батлер интерпретация, есть как минимум один важный аспект, который она упускает.

Работа «Гендерное беспокойство» нацелена прежде всего на расшатывание «бинарной гетеросексистской концептуальной схемы, которая подразделяет гендеры на мужские и женские и заведомо исключает адекватное описание тех подрывных и пародийных сближений, что характеризуют гей- и лесбийскую культуры»¹¹. Кристева же напоминает о том, что осознание анатомической (не)способности родить ребенка не может не оказывать фундаментального влияния на гендерную чувствительность. Здесь в свою очередь реактуализируются открытые психоанализом коллизии, связанные с взаимоотношениями родителей и детей. Все это позволяет заметить, что пренебрежение проблемой половых различий является преждевремен-

7 ЛАКАН Ж. *Еще (Семинар, Книга XX, 1972/73)*. М.: Гнозис; Логос, 2011. С. 12.

8 БАТЛЕР ДЖ. *Указ. соч.* С. 184.

9 Там же. С. 167.

10 Цит по: SÖDERBÜCK F. *Julia Kristeva face aux féministes américaines* // *L'Infini*. 2010. № 111. P. 86.

11 *Ibid.* P. 144–145.

ным, но одновременно за этой поспешностью скрывается серьезная методологическая проблема. Когда Батлер утверждает, что «поэтический язык и радости материнства представляют собой локальные смещения отцовского закона, временные подерывы, которые, в конце концов, подчиняются тому, против чего изначально восстают»¹², это обвинение с куда большим основанием можно адресовать ее собственным намерениям.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

Пол

Сама идея лишить половые различия их сущностных характеристик, оставшись при этом на территории, очерченной Лаканом, заранее обречена на провал. Причина этого поражения емко определена в одной из статей Аленки Зупанчич:

«Если мы “изгоняем секс из пола”, мы изгоняем в первую очередь ту самую вещь, которая выводила на свет проблематичный и исключительный характер половых различий. Проблема этим не снимается, но устраняется возможность ее видеть и, в конечном счете, разбираться с ней»¹³.

Апелляция к Фуко также оказывается не совсем состоятельной, потому что сам он здесь «недостаточно фукодианский»:

«Секс – это не некое “предшествующее” бытие, которое “внедрили” в дискурс и “заставили говорить” в определенный исторический момент, а само это парадоксальное двойное движение дискурса»¹⁴.

Упуская фундаментальную связь между сексуальностью и бессознательным, Фуко оказывается настолько увлечен демифологизацией любых претензий на преддискурсивность, что начинает относить к ним внутренние противоречия дискурса. Напротив, в психоанализе именно разрыв, порождаемый половыми различиями, превращает их в узловую проблему, отличную «от гендерных различий, которые являются такими же различиями, как и любые другие, и которые упускают суть, будучи чересчур успешными и попадая в ловушку обеспечения оснований для онтологической непротиворечивости»¹⁵.

Схожие доводы приводит и Славой Жижек: «половое различие в полной мере принадлежит Символическому и является его неустранимым изъяном»¹⁶. Спустя десять лет после изда-

12 Батлер Дж. Указ. соч. С. 178.

13 Зупанчич А. *Половые различия и онтология* // Она же. *Секс и бытие*. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 55–56.

14 Она же. *«Мир полон не-сказанного»* // Она же. *Секс и бытие*. С. 66–67.

15 Она же. *Половые различия и онтология*. С. 53–54.

16 Žižek S. *Class Struggle or Postmodernism? Yes, Please!* // Butler J., Laclau E., Žižek S. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso, 2000. P. 122.

ния «Гендерного беспокойства» Батлер, полемизируя с Жижек-ом, с завидным упорством отказывается признавать логику этой аргументации, настаивая на том, что здесь подспудно сохраняется «квазитрансцендентальный статус полового различия»¹⁷. Но – как раз по причине нежелания замечать неустранимость проблемы пола – гендерное разнообразие, представляемое как радикальный подрыв, в итоге оказывается не чем иным, как возвращением к той самой бинарной оппозиции, против которой изначально поднималось восстание. Вся множественность, призванная проиллюстрировать вывод о том, что гендеры могут быть «радикально невероятными»¹⁸, сводится к предсказуемым вариациям на тему конструктов мужского/женского или же их смешения (дрэг, буч, фем, транс и пр.). Здесь нет никакого радикального третьего, независимого от плохо завуалированной бинарной схемы, и при этом нехитрая комбинация двух известных элементов преподносится как нечто, подчистую разрушающее оппозицию.

Если бы методология Батлер выстраивалась на фундаменте, принципиально выходящем за пределы психоанализа, то претензии на радикальный подрыв, возможно, оказались бы более оправданными. Такой шанс, например, могла бы предоставить стратегия, развернутая в работах Делёза и Гваттари. В мире тел без органов не так уж сложно представить третий элемент вроде медузы или превращение секса в процесс, связанный с погружением в гелеобразную массу, в которой граница между человеческим телом и сгустками окровавленного желе станет трудно определяемой. Не столь важно, насколько жизнеспособна эта стратегия, – главное, что в рамках теории Батлер подобный скачок абсолютно невозможен, поскольку, в отличие от шизоанализа, она основана на той самой системе, которую стремится опровергнуть. Вот почему, когда Батлер утверждает, что «Кристева предлагает нам стратегию подрыва, которая никогда не сможет стать долгосрочной политической практикой»¹⁹, это высказывание вызывает чувство неловкости. Да разве собственная теория Батлер предлагает что-то похожее на революционный подрыв?

КАПИТАЛИЗМ

Анализ политической философии Батлер и вопрос о жизнеспособности идей, изложенных в соответствующих работах, выходят за рамки рассматриваемого сюжета, тогда как преобразовательная программа, разворачивающаяся на страницах «Ген-

¹⁷ BUTLER J. *Competing Universalities* // BUTLER J., LACLAU E., ŽIŽEK S. *Op. cit.* P. 143–148.

¹⁸ БАТЛЕР Дж. *Указ. соч.* С. 255.

¹⁹ Там же. С. 168.

дерного беспокойства», заслуживает нескольких слов. Возможно, стратегия Кристевой и является проблематичной в качестве долгосрочной практики, но в одном можно быть уверенным: ее опора на языковые опыты Хлебникова, Арто и Селина, бесспорно, остается ставкой на сотрясение конвенций. А вот на теорию Батлер, напротив, вполне можно взглянуть лишь как на корректировку существующего конформистского порядка. Причем предпосылки для этой интерпретации можно обнаружить внутри феминистской теории: Марша Хьюитт в статье, опубликованной через три года после издания «Гендерного беспокойства», указывала на то, что ряд практик, включая дрег и киберфеминизм, напоминают эзотерическую деятельность, подменяющую реальную политическую борьбу, предоставляя иллюзию освобождения²⁰. Говоря марксистским языком, гендерное многообразие вовсе не отменяет классового разделения. Скорее перед нами еще один вариант социального протеста, не приводящего к впечатляющим политическим результатам. Журналы для лесбиянок, гей-бары и ежегодные прайды не разрушают репрессивные государственные структуры, но вполне вписываются в капиталистическую логику потребления. И уж во всяком случае этот «подрыв» даже близко не соответствует поэтическому переустройству грамматики, которое анализирует Кристева и в котором она открывает телесное измерение.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

Гендерное многообразие вовсе не отменяет классового разделения. Скорее перед нами еще один вариант социального протеста, не приводящего к впечатляющим политическим результатам.

В этом смысле, например, тексты Жана Жене предстают трансгрессивным скачком в сравнении не только с теорией Батлер, но даже с работами Фуко, в которых институт тюрьмы выступал прежде всего как репрессивная практика. Для Жене тюрьма, несмотря на все приносимые ею страдания, является аналогом Эдема – подлинной колыбелью бунта, а гомосексуализм – сакральным преступлением. Это ставка не предполагает никаких компромиссов, связанных с социальной интеграцией, – напротив, она направлена на упрочнение статуса изгоя:

«Я свой выбор сделал: я на стороне преступника. И я буду помогать детям не возвращаться в ваши дома, школы, на заводы, не следовать вашим законам и обычаям, а их преступать»²¹.

20 HEWITT M.A. *Cyborgs, Drag Queens, and Goddesses: Emancipatory Regressive Paths in Feminist Theory* // *Method & Theory in the Study of Religion*. 1993. Vol. 5. № 2. P. 135–154.

21 ЖЕНЕ Ж. *Малолетний преступник* // *Театр Жана Жене*. СПб.: Гиперион, 2001. С. 41.

Можно спорить, в какой степени эти установки Жене сработали за пределами эстетического пространства, но они получили определенную политическую апробацию как минимум в его сотрудничестве с «Черными пантерами» и Организацией освобождения Палестины.

Здесь имеется еще один уровень, имеющий отношение к будущей полемике Батлер с Кристевой. Первый роман Жене «Богоматерь цветов» повествует об истории дрэг-квин, вполне вписываясь в логику плавучести гендера, однако за сюжетным фасадом скрывается тема, куда в большей степени подтверждающая аргументацию Кристевой. Дело не только в том, что герой предпочитает гильотину, а не корректировку социальных конвенций, – дополнительное напряжение в эту историю вносит биографический мотив связи/вражды с навсегда потерянной матерью²²:

«Я, в своей дыре похожий на маленькую личинку, наслаждался покоем ночного существования, и порой мне казалось, что я погружаюсь то ли в сон, то ли в некое озеро, то ли в материнскую грудь, то ли – что было бы инцестом – в духовное сосредоточие земли»²³.

Гомосексуальная исповедь Жене подтверждает выводы Кристевой: различие полов вписано в материнское тело и определяет внутреннюю расколотость субъекта.

**Разветвление сексуальных практик
и гендерных ролей само по себе вовсе не дает
гарантий ниспровержения репрессивной модели,
и в лучшем случае здесь можно вести речь лишь
о перераспределении власти.**

Итак, отказываясь говорить о материнстве как об одной из границ, проходящих по человеческой плоти и воздействующих на область сексуальных влечений, Батлер предпочитает вести речь исключительно о сведении жизненного предназначения женщин к репродуктивным функциям и тем самым существенно упрощает проблему гендерных ролей. Поспешное желание избавиться от половых различий и представить их как нечто архаичное рискует превратить изыскания Батлер в тот самый

22 На материале текстов Жене он был подробно проанализирован Жан-Полем Сартром: SARTRE J.-P. *Saint Genet, comédien et martyr* // GENET J. *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1952. P. 9–26. Среди представительниц феминистской теории о присутствии «материнской женственности» в прозе Жене упоминала, например, Элен Сиксу: Сиксу Э. *Выходы* // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. М.: РОССПЭН, 2005. С. 55.

23 ЖЕНЕ Ж. *Богоматерь цветов*. М.: АСТ, 2015. С. 83.

«тотализирующий жест», против которого она сама неоднократно предостерегала. Проблема заключается в том, что разветвление сексуальных практик и гендерных ролей само по себе вовсе не дает гарантий ниспровержения репрессивной модели, и в лучшем случае здесь можно вести речь лишь о перераспределении власти.

Оставляя за скобками ряд социально-политических суждений Кристевой, нужно заметить, что поставленный ею вопрос – «Что стоит за желанием быть матерью?» – нацелен как раз в тот узел противоречий, из которого вырастает теория Батлер:

«Неспособная ответить на этот вопрос феминистская идеология открывает дверь возвращению религии, которая приносит умиротворение, смягчает страдание и отвечает материнским ожиданиям»²⁴.

Иными словами: если внутри системы, поддавшейся существенной гендерной реформации, обнаруживается внушительный потенциал для консервативного поворота, то одной из причин этого является как раз то, что так называемое освобождение не выходило за пределы воспроизводства капиталистической логики. Однако это вовсе не означает, что сама проблема вариативности маскулинной и фемининной моделей является надуманной – напротив, разговор о гендерном многообразии сможет выйти на новый уровень только после обозначения собственных пределов, а материнское тело оказывается одним из способов очертить эти границы.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
МАТЕРИНСКОЕ ТЕЛО
И ГРАММАТИКА ПОЛА...

24 Кристева Ю. *Время женщин* // *Гендерная теория и искусство...* С. 139.

